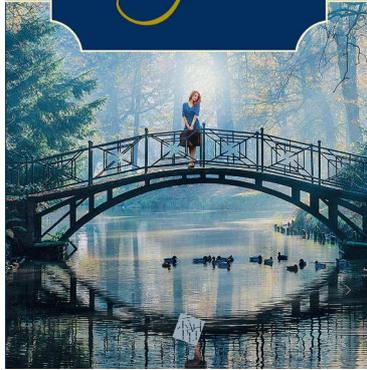

Формула счастья

НАТАЛИЯ БАРИНОВА

Искушение

Наталья Барина
Искушение
Серия «Формула счастья»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8110051
Искушение: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-086069-2

Аннотация

Когда тебе восемнадцать, так хочется, чтобы тебя любили, дарили подарки, окружали заботой. Там, где живет Женя Платова, ничего этого не может быть. Это так несправедливо, ведь жизнь проходит мимо и ничего не происходит. Она решает сбежать от беспросветности серых будней, людской жестокости и равнодушия в Москву. Откуда ей было знать, что этот город еще более жесток, что здесь никому не до кого нет дела.

Женя решается на отчаянный шаг: покончить с этим одиночеством и унижениями – уйти из жизни. Но кому-то не понравилось такое решение. И вот последний шаг стал первым к новой жизни, где будет все. И искушения будут так велики, что будут неизбежны ошибки и предательство. Но кто сказал, что путь к счастью усыпан лепестками роз?...

Наталия Баринава

Искушение

Роман

Женя осторожно открыла глаза. Она не спала уже несколько минут, но, слыша крик-тенье бабушки, не спешила подниматься с кровати. Зачем? Хотелось хотя бы на несколько минут продлить удовольствие от возможности просто лежать и ничего не делать. До того, как бабушка решит, что внучке пора подниматься, осталось совсем немного времени. Последние секунды блаженства наступившего дня. Что последует за этим, девушка знала наверняка: привести себя в порядок, т. е. наскоро одеться, причесаться, умыться и, перекусив на скорую руку, окунуться в привычные хлопоты по хозяйству. Самым ужасным во всей этой каждодневной веренице повторяющихся движений, слов, жестов был не скудный стол, не поношенная одежда, не ворчанье бабушки, а то, что нигде и ни в чем не видно и намеков на перемены к лучшему. Наверное, каждый в этом доме представлял их по-своему, но Женя хотела, прежде всего, материального достатка, мечтала распрощаться с постыдной нищетой, в которой она вынуждена прозябать вместе с болеющей, немощной бабушкой.

– Женя, Женя, – ласковый шепот Евдокии Ивановны раздражает Женю. Она нарочно делает вид, что крепко спит. Начинать новый день не хочется. – Просыпайся, милая. Пора, внученька.

От этого ласкового «внученька» Женя с головой забирается под одеяло. Ну, почему она не Лерка Мазилова? С нее родители пылинки сдувают. Не то, что к корове, к корму для птиц прикоснуться не дают, а с тех пор, как Женя осиротела, ей приходится выполнять всю грязную работу. Да что там говорить, к вечеру она с ног валится от усталости, но кто ее пожалеет? Бабушка Дуся украдкой всплакнет, а в глаза твердит, что на все воля Божья. Эта присказка особенно раздражает Женю, потому что ей никак не понять, за что всемилостивый и справедливый Боженька так невзлюбил ее? Лишил отца и матери, обрек на страдание, непосильный труд и серую, никчемную жизнь рядом со старой и больной бабушкой. Рядом с ней приходится работать за двоих – стыдно ведь: старушка стонет, а обязанности свои каждодневные выполняет. Вот только и позволяет себе Женя просыпаться на несколько минут позже и не подниматься с постели, пока бабушка не начнет добродушно ворчать.

– Поднимайся, Женечка, – Евдокия Ивановна отбрасывает край одеяла, с улыбкой смотрит на внучку. Та трет глаза, зевает. – Знаю, знаю, что поспать хочется, но скотина ведь ждать не будет. Много работы, давай, милая, вставай.

– Доброе утро, бабуля.

– Доброе, доброе, слава богу.

Женя садится на кровати, смотрит в открытое окно – пасмурное летнее утро. Тепло, но ни намека на солнышко. Вдохнув полной грудью пропитанный ароматами разнотравья, наполненный суматошным и в то же время ожидаемым шумом проснувшейся деревни воздух, Женя встает, сладко потягивается. Евдокия Ивановна с нежностью смотрит на внучку. Останавливает взгляд на ее округлившись грудях, широких бедрах – выросла, как быстро, незаметно.

– Ты что, бабуля? – Женя смущенно улыбается.

– Думаю, взрослая ты стала. Женихи, небось, проходу не дают, только ты скромничаешь и ничего мне не рассказываешь.

– Какие женихи, Дуся? – такое обращение к бабушке, по мнению Жени, подчеркивало откровенность и доверие в отношениях. – Только и знаешь: работа, работа. Когда мне гулять?

Женя покраснела, потому что в ее словах было мало правды. Еще в конце июня девушка распрощалась с невинностью. После выпускного вечера она позволила своему однокласснику Витьке Селезневу «все». В тот миг все происходящее затмило по важности все события, происходившие в жизни Жени. Как будто мир стал совсем крошечным, а главным в нем был этот долговязый голубоглазый Витька. Его руки, его дыхание, его влажный язык – азбука запретного, открыв которую, Женька сразу ощутила терпкий вкус разочарования. И все из-за того, что юноша, едва свершилось таинство, обозвал ее «неотесанной телкой», отряхнул с одежды травинки и пошел прочь. Витька присоединился к празднующим начало взрослой жизни одноклассникам и довольно пошло объяснил свое и Женино отсутствие. Когда она вернулась, девчонки поглядывали на нее насмешливо, а мальчишки – с нескрываемым интересом.

С того дня Селезнев стал вести себя вызывающе-грубо. За те несколько встреч, что пришлось на промежуток между выпускным вечером и вступительными экзаменами, Женька наслушалась от него сальных шуток и намеков. Неизбалованная вниманием мальчишек, привыкшая ухаживания Витьки за первую любовь, Женя была в отчаянии от такой резкой перемены в его отношении. Дошло до того, что Селезнев, увидев Женю, презрительно сплевывал себе под ноги, растирал плевком носком поношенных сандалий и, дождавшись, когда девушка оказывалась рядом, произносил:

– Как жизнь, откупоренная? Никто еще, кроме меня, не потревожил?

Или иначе:

– Тянет на сексуальные подвиги, телочка?

Селезнев обязательно подстраивал так, чтобы поблизости были свидетели ее смущения. Увидев, как вспыхивают щеки Жени, как заливаешься она алой краской стыда, заходил в приступе смеха. Он получал удовольствие и не собирался останавливаться на достигнутом. К тому же бойкие на язык одноклассницы с наигранным вниманием и заботой интересовались ее самочувствием. Не сразу, но она поняла намеки. Как же она испугалась. Представила, что придется подойти к бабушке и произнести страшную фразу: «Бабуля, я беременна...» – и едва не лишилась чувств.

Высшие силы уберегли или пожалели Женю – обошлось без незапланированной беременности. Первый опыт близости с мужчиной оказался не таким уж романтическим, как представлялось. Женя пыталась как можно быстрее забыть о нем. Ее больше беспокоила бабушка, вернее, то чтобы до нее не добрались все эти неприятные подробности. У Евдокии Ивановны было слабое сердце. Оно все чаще напоминало о себе мучительными болями, особенно после того, как в один день женщина лишилась дочери и зятя. Но не с ее характером жаловаться на судьбу. Эта женщина, такая маленькая и хрупкая внешне, восхищала Женю тем, что принято называть силой духа.

– Работа работой, а на любовь у молодежи всегда время найдется, – хитро смотрит на внучку Евдокия Ивановна.

– Это не про меня, – Женя не смотрит бабушке в глаза, поднимается с кровати.

– Поторопись, девочка, завтрак стынет.

Завтрак. Женя даже не посмотрела в сторону стола. Она знала, что ее ждет тарелка с овсяной кашей или, в лучшем случае, с гречкой и кружка молока. Скучная трапеза, от которой девушка бы с удовольствием отказалась, преподносилась бабушкой, как бесспорная необходимость.

– Ешь, милая, я уже поела, тебя не дождалась. Корова сегодня какая-то нервная была с самого утра. На себя не похожа Зорька наша. Молоко, правда, жирное, как всегда. Попьешь – здоровья наберешься.

– Не хочу я молока, бабуля.

– Не капризничай. Не к лицу тебе в фифы играть. Это городские от здоровой еды носом крутят, а нам не пристало. – Нахмурилась Евдокия Ивановна. Кряхтя, потеряла поясницу. – Пойду в огород. Приходи, прополки много.

– Хорошо, я быстро.

Женя привела себя в порядок, заплела косу, надела косынку поярче. Посмотрела на себя в зеркало: права бабушка. С такой фигурой, внешностью, с такими глазами и косами и без любви в восемнадцать лет! Вспоминать только сальные шуточки Селезнева, стыдиться того, что такой грубиян, хам стал ее первым мужчиной. Не должно быть так, но разве можно надеяться на перемены в такой глуши, как эта Богом забытая деревня. Девчонки, зная, как Женя ненавидит место, где она прожила с рождения, только посмеивались:

– Тебе, Платова, крупно не повезло. Удобства во дворе, вода из колодца, опять же, лепешки коровьи убирать – какое наказание для такой фифы, – особенно ерничала Света Романович.

Она окончила школу годом раньше, поступила в институт и этим летом приехала домой на каникулы. В Женином окружении она пыталась играть роль всезнающей, всепонимающей дамы. Ее рассказы о городской жизни, о порядках в общежитии девчонки и мальчишки слушали, открыв рот. Светлана была для них посланцем из другого цивилизованного, яркого, всемогущего мира, в который позволено войти далеко не каждому.

– Ты, Женька, витаешь где-то в облаках, – подхватила Галя Пестряк. Бойкая девчонка, завидующая Свете и в угоду ей, нападающая с насмешками на Платову.

– Ну, что ты, Галочка, – Светлана с победным видом оглядела присутствующих, – она в навозе утонула, а не в облака взлетела.

Женька тогда сжала кулаки, но отвечать на издевки не стала. Не в первый раз. Это поначалу было больно, обидно. Теперь всегда она готова к тому, что вечерняя прогулка, на которую она шла с неохотой, закончится очередными выпадами в ее адрес. Сироту каждый может обидеть, защитить некому. Бабушке жаловаться нельзя. Она, святая наивность, уверена, что такую умницу-разумницу, как ее внучка, никто обижать не станет. Евдокия Ивановна никогда не сомневалась, что все любят ее Женюшку, а впереди у нее счастливая жизнь. Только не нужно требовать от нее слишком многого, от жизни-то. Тогда и разочарований легче избежать.

– О чем задумалась, внучка? – вернулась в дом баба Дуся.

– Просто так, ничего интересного.

– Ты, Женюшка, не кривись, кушай. Да на часы поглядывай. Время ведь не идет – летит. Не управимся.

– Что?

– Кушай, говорю. Меньше думу думай, работы невпроворот. – Евдокия Ивановна вытерла пот со лба. – Я уже две грядки прошла, а ты все над кашей мечтаешь. О чем? О чем, милая?

Бабушка села напротив, положила натруженные руки на колени. В ее выцветших усталых глазах застыл немой укор. Женя давилась кашей, но ела так быстро, как могла. Запивала парным молоком, желая провалиться сквозь землю от этого пристального взгляда. Может быть, бабушка узнала о Витьке? Что-то слишком напориста она сегодня. Нет, не похоже. Евдокия Ивановна выложила бы все напрямую, не стала бы ходить вокруг да около. Назвала бы шлюхой или дурой – тут Женя не была однозначно уверена.

– Все, готова я. – Женя поднялась из-за стола, поправила косынку. – Только посуду вымою.

Вздыхнув, Евдокия Ивановна вышла из дома. Она давно замечала, как тяготит внуку работа. Знала, что мечтает о красивой жизни, беззаботной и легкой. Не сладко жилось ей и при живых родителях, но с ними она чувствовала себя защищенной, улыбалась чаще. Теперь

все больше молчит, никогда не знаешь, что у нее на уме. Нет у внучки чувства радости и удовольствия от малого. Тянется девчонка к сказкам, что с экрана их старенького телевизора подогревают распаленное воображение. Трудно осуждать ее за это. Молодая, здоровая, умная, она не хочет весь век копать в огороде, убирать в птичнике, доить коров до артрита, до распухших суставов.

– Бабушка, а ты когда-нибудь была счастлива? – Евдокия Ивановна не заметила, когда внучка присоединилась к ней в борьбе с сорняками.

– Конечно, – ответила, не раздумывая.

– Расскажи.

– Замуж по любви выходила, – прерывисто дыша, начала бабушка.

– Так это ведь давно было.

– Трудно говорить, девчонка, когда вот так тяткой махать нужно. У меня дыхание сбивается. Вот закончим, тогда и поговорим, хорошо? Вечерком за чаем, семечками. Ну, как получится, милая.

– Хорошо. – Все свое недовольство Женя вымещала на жизнестойких сорняках. К тому же на небе снова светило солнце. Оно нещадно припекало спину, поясницу. Женя думала о том, что дождик был бы очень кстати. Хотя бы ненадолго позволил оторваться от нудного занятия.

Часам к десяти Евдокия Ивановна покраснела от работы и жары. Несколько часов тяжелого труда измотали ее. Пожилая женщина нуждалась хотя бы в кратковременном отдыхе. Тяжело опираясь о тятку, бабушка наблюдала за вялыми движениями внучки. Устала и та, пора перерыв сделать.

– Давай прервемся, Женюшка. Пойдем кваску попьем.

– Нет, я хочу закончить. Ты иди, бабуля, я еще пройду пару рядков.

– Смотри, как бы голову не напекло. Жарища, воздух тяжелый, горячий. Пойду готовить для нас с тобой разносолы.

– Ой, баб, ты как скажешь! – не разгибаясь, буркнула Женя.

– А-то! – Евдокия Ивановна, прихрамывая, пошла к дому. Во дворе умылась прогретой солнцем водой в кадке, с облегчением перешагнула порог, попав в царство освежающей прохлады.

Переодевшись, Евдокия Ивановна затеяла тесто для вареников. Готовить она любила. Еще девчонкой внимательно наблюдала за своей матерью, бабушкой, когда те куховарили. Давно усвоила главное правило: не заниматься приготовлением еды в дурном настроении. Мать покойница говорила, что все зло и раздражение в разносолы уйдет, весь вкус испортит. Вот поэтому взяла себе за правило Евдокия Ивановна готовить, припеваючи. Быстро замесила тесто. Творог еще утром отжала – хорошие должны получиться вареники. Женя любит со сметаной.

Внучка вернулась с огорода. Быстро привела себя в порядок, надела домашнее и присоединилась к бабушке. Вдвоем долепили быстро, ладно, с песней. Время от времени переглядывались, улыбались. В такие моменты Женю охватывало необъяснимое чувство растворения в этой доброте, открытости и доверии. Как будто это и было то самое счастье: вот так улыбаться и видеть лучики-морщинки в уголках глаз бабушки. Неужели все так просто? Почему же так часто ей, Женьке Платовой, чего-то не хватает? Почему она чувствует себя ущербной, несчастной?

– Пойду к соседке. Обещала принести ей трав, – сказала Евдокия Ивановна. – А ты отдохни, внученька. Приду, будем вареники варить.

– Не хочется есть, Дуся. Жарко очень.

– Ну, как скажешь, Женечка.

– Дуся, я в город хочу уехать, – выпалила она. Евдокия Ивановна застыла на пороге. – Ну, что ты так на меня смотришь, бабуля? Ты же сама все видишь. Разве можно жить в нашей глуши?

– Можно, а что мы, по-твоему, делаем?

– Выживаем. Улавливаешь разницу? – Женя сжала виски. – Мы словно пещерные люди. Здесь стареют в два раза быстрее, а знаешь, почему? Потому что на любую мелочь приходится тратить вдвое больше сил и нервов. Тридцатилетняя женщина, работающая на ферме, похожа на высушенную воблу столетней давности! А я не хочу стареть! Не хочу доить коров! Не хочу копать в огороде! Мы едва сводим концы с концами. Это стыдно! Я молода и здорова. Короче говоря... Мне нужны деньги.

– Денег? – усмехнулась Евдокия Ивановна. – Для чего?

– На билет, на проживание хоть на какое-то время. Уехать мне нужно. У тебя есть сбережения, я знаю. Скромные, кровно заработанные, но есть. Отдай их мне, пожалуйста. Я ведь никогда тебя ни о чем не просила.

– Умру не сегодня завтра, на что похоронят меня, подумала? – бабушка вытерла набежавшую слезу.

– Ты будешь жить долго, Дуся! – Женя подошла, обняла ее за плечи. – А я вернусь за тобой. Устроюсь и заберу тебя из этой глуши.

– Хорошо говоришь, внучка.

– Сделаю еще лучше!

– Как же ты в городе одна, без образования, без профессии? Ты коров-то доить толком не научилась, а в городе за чей счет жить собралась? Деньги имеют свойство быстро заканчиваться, – насторожилась Евдокия Ивановна. – На сколько хватит моих сбережений? Жизнь городская от нашей отличается.

– Знаю, поэтому и хочу уехать.

– На что жить будешь?

– Выкручусь. Не я первая, не я последняя, – уклончиво ответила Женя.

– Ты это о чем, девка? – грозно спросила бабушка. От ее привычной мягкости не осталось и следа. – Телевизора насмотрелась, сказочных историй наслушалась? Или Светка Романович мозги тебе совсем запудрила? Так не слушай ее дуру. Она под крылом родительским, с доходами не чета нашим. Она нам не ровня.

– Знаю, знаю, что мы – голь перекатная. От этого и хочу убежать. Ну, как ты не понимаешь! – чуть не плакала Женя.

– Выбрось эту дурь из головы! – Евдокия Ивановна пыталась быть жесткой.

– Не хочешь денег давать – не нужно. Я и без них справлюсь, – резко заявила Женя. – Никто и ничто меня здесь не удержит! Ни твои болезни, ни твоя старость. Я себя в этой глуши хоронить не собираюсь! Некому обо мне позаботиться, значит, сама должна.

С этими словами Женя выбежала из дома. Оставив калитку открытой, помчалась к своей лучшей подруге Аглае Вороновой. Вот кто поможет с деньгами. У нее родители щедрые: по любому поводу копеечкой балуют. Она давно собирает. Темнит, на что потратить собирается, но сумма накопилась немалая. Сколько раз хвастала. Глаша выручит! Нужно придумать что-то очень трогательное, чтобы и сомнений не осталось. История должна разжалобить подругу, натолкнуть на мысль о помощи. Все любят ощущать себя спасателями. Аглая – не исключение. Она добрая и очень чувствительная. Для нее и стараться не особенно придется – выложит все сама.

– Глаша, Глаша!

Женя, запыхавшись, взбежала по ступенькам крыльца у дома подружки. Перевела дыхание и без стука ворвалась внутрь. Дом у Вороновых был просторнее и новей. Жене

казалось, что здесь и запах другой: в нем нет обреченности тяжелого духа старости, лекарств и травяных настоек. Аглая вышла навстречу, потирая заспанные глаза.

– Ты чего спишь в такое время, Глаша? Полдень скоро!

– Голова болит, – недовольно буркнула та. – А ты что такая возбужденная? Орешь, я подскочила от неожиданности.

– Родители дома?

– В такое время? Слава богу, они на работе.

– Значит, мы одни?

– Одни. Что за секретность? – Аглая поправляла растрепанные волосы. – Ты вообще последнее время какая-то странная. Говорят, свихнуться можно от постоянного недовольства собой и сексуального голода.

– Понятно откуда ветер дует. Светку Романович больше слушай.

– Мое дело. У меня своя голова есть.

– Слушай, – миролюбиво продолжала Женя, – мне нужна твоя помощь. Очень нужна.

– Говори. Только пойдем в сад, яблок пожую, а то мать сама не ест и мне не дает.

– А почему она не ест? – автоматически спросила Женя.

– Говорит, ей до Яблочного Спаса не положено... Она после гибели брата такая набожная стала. Ну, ты-то знаешь, зачем спрашиваешь?

– Пойдем уже. Будешь хрустеть своими яблоками и меня слушать.

Воронова любила поесть. Ее пышные формы не соответствовали нежному возрасту. Когда она шла в компании своих подруг, выглядела старше всех. Только ростом не вышла. Пышная, грудастая, с влажными живыми глазами она давно познала мужскую ласку, без стеснения признавалась в этом. Поэтому совершенно не понимала подругу, добровольно лишаящую себя такого удовольствия. С Женькой Глаша дружила с отчаянной искренностью, жалея и любя непутевую девку. Зная это, Платова все-таки переживала: расстаться с накопленными деньгами, на которые были совсем иные планы – дело нешуточное. Нужно разжалобить подругу, заставить ее поверить в то, что от ее решения зависит жизнь.

– Ну, выкладывай, что у тебя стряслось? – Глаша аппетитно хрустела яблоком, сорванным только что.

– Голова прошла?

– Что?

– Голова, говорю, больше не беспокоит? – Женя не могла представить, что можно с таким аппетитом есть, страдая от головной боли.

– Отпустило. – Глаша не уловила издевки, но Платова не собиралась продолжать в том же духе. Цель ее прихода иная. – Сорви и ты, может, поможет проблему разрешить.

– Ты не смейся, я ведь к тебе по очень серьезному делу.

– Слушаю, слушаю.

– Глаша, я тебе скажу по секрету. Пообещай, что никому ни слова!

– Ты же знаешь, у меня тайна рассказа гарантирована, – усевшись на пенек от недавно спиленной старой груши, Глаша продолжала за обе щеки уминать белый налив.

Женьке расхотелось говорить о таких важных для себя вещах, когда настроение у подруги такое несерьезное. Никакой сосредоточенности, никакой гарантии сохранения тайны. Но другой подруги у Платовой не было, так что выбирать не приходилось. Напустив на себя жалостливый, устало-отрешенный вид, она села прямо на землю.

– Плохи мои дела, Глаша. Дошла я до края, – Женя почувствовала, как глаза наполняются слезами.

Кажется, разжалобила она в первую очередь саму себя. Представила, что еще долгие годы изо дня в день жизнь ее будет состоять из подъемов ни свет, ни заря, тяжелой работы на ферме, бесконечной возни по хозяйству. К тридцати годам руки ее огрубеют, лицо покроется

сеткой глубоких морщин, никакой романтики, никакой красоты. Замуж выйдет без любви, обзаведется детьми. Дети от нелюбимого мужа – страшная кара. Сможет ли она любить их чистой преданной материнской любовью? Безрадостное существование, заполненное бесконечными хлопотами, выполнением супружеских обязанностей, именно обязанностей, от которых она бы легко отказалась. Разве для этого она появилась на свет? Если для этого, то она не согласна и хочет со всем этим покончить раз и навсегда!

От шальной мысли кровь отлила от лица. Как было бы здорово прожить хотя бы один день по-человечески, а потом... Потом можно и с моста в воду. У Жени перехватило дыхание, но Глаша ничего не заметила. Вот и хорошо. Такими мыслями ни с кем делиться нельзя. Платова вытерла слезу. Даже легче стало. Теперь Женя знала, что делать дальше.

Для ее «грандиозных» планов деревенский пруд не годился. Глубоководная река, что извивается и проходит голубой лентой через весь город ***йск, – это уже что-то. В городе Женя была раза три: классный руководитель устраивал культурную программу для своего класса. Арендванный автобус, подпрыгивая на бесконечных ухабах, вез их около ста километров. Женя плохо переносила поездки, но каждый раз с радостью ждала очередную встречу со сказкой. Она погружалась в нее, вдыхая тяжелый, загазованный воздух, так отличавшийся от живых, узнаваемых ароматов родной деревни. Одноклассники кривлялись, прятали смущение и незнание за плоскими шутками, вызывающим поведением, а Женя напротив затихала, выглядела удивленно-радостной, почти восторженной. Дома, четкие очертания газонов и клумб, прохожие, городская суета – все это казалось ей действием, в котором задействованы избранные. А то, как была одета молодежь, вызывало комплекс: никто в деревне не одевался с таким вкусом, так изысканно, дорого. Всякий раз Женя чувствовала себя не в своей тарелке, но отказываться от очередной возможности побывать в другой жизни, не собиралась.

Такой сказочный, недостижимый, фееричный – город должен стать ее последним пристанищем. Она устроит себе праздник. Пусть кто-то посчитает, что это мелко, недостойно, плевать! Женя нахмурила брови: в ее деревне, куда газеты привозят по большим праздникам, она задыхается, медленно умирает. Ее тело разрушается от постоянной необходимости работать, от неизбежно надвигающейся серости. Она, как свинцовая туча в грозу захватывает небо, поглотит ее, Женькину душу. И тогда будет поздно желать большего. Тогда в ней поселятся безразличие и предопределенность.

Нужно ехать! Только бы достать денег. Можно сэкономить на электричке, ехать авто-стопом, а деньги потратить только на развлечения, достойные последнего дня, последних часов, минут...

– Не хочу я, Глаша, больше терпеть такую жизнь.

– Ты о чем это?

– Без родителей, без радости, без будущего. Разве по-человечески это? У меня на ладонях мозоли. Загар этот огородника – ручки, шея, лицо. Поясница разламывается от этих посадок, прополки, рыхлений, сборов урожая, а зимой скуотища-то...

– Врешь ты все. Витька тебя достал, так и скажи.

– Я его в упор не замечаю, скажешь тоже!

– Тогда ты конкретнее говори, – доставая из кармана халата еще одно яблоко, буркнула Аглая.

На удивление она не была добродушно настроена и мысленно ругала подругу за то, что та разбудила ее в такую рань. Еще час, как минимум, могла бы спокойно спать. Вместо этого приходится выслушивать дурацкие секреты, которые и вовсе не секреты. Для кого новость, что Женьке нелегко живется? Аглая даже жевать перестала: представила, если бы, не дай бог, она осиротела и осталась без заботы отца и матери. Да она бы умерла на следующий день, а Женька вон какая сильная. Это в ней обида говорит, что пришлось повзрослеть раньше

времени. Да еще с Витькой Селезевым не повезло – издевается над девчонкой, сволочь. Первый мужчина называется. Нужно будет поговорить с ним, а то на Женьку уже смотреть жалко. Из гордости она не признается, что измучилась, исстрадалась от его подначек.

– Я могу и конкретнее сказать, Глаша. – Женька вытерла слезу. – Помощь мне твоя нужна.

– Это я уже поняла. Чем могу-то?

– Мне в город надо попасть, в ***йск.

– В чем проблема? – Аглая осмотрелась по сторонам. – Дуся не отпускает?

– Как она может меня удержать? Я уже взрослая. Сама решаю, а вот денег бабушка не дает.

– В чем взрослость-то? – усмехнулась Глаша. – Права твоя бабуля, что не хочет отпускать. Послушай ее. Она ведь у тебя такая добрая, заботливая, больная. Не жаль тебе ее? Кто же ей уколы и компрессы ставить будет? Ты же для нее – свет в оконце. Ты об этом подумала?

– Я обо всем и обо всех подумала, а ты мне только о ней говоришь.

– Хорошая она твоя Дуся, а ты ее бросить хочешь.

– Никого я не бросаю! Нужно мне уехать, очень нужно. А Дуся твоя любимая денег не дает. Говорит, пока не скажу что к чему, никуда непустит. Мне ждать ее позволения некогда.

– А почему спешка?

– Я же тебе сказала: терпение мое лопнуло. К тому же, узнала я, что в городе остались дальние родственники по материнской линии. Бабушке сюрприз преподнесу. Хочу найти их.

– Родственники? – с недоверием взглянула на подругу Аглая. Ее большие карие глаза, окаймленные густым веером ресниц, выражали крайнюю степень сомнения. – Откуда у тети Полины родственники в ***йске? Она с моей мамой дружила, никогда о них не говорила.

– Откуда тебе знать, о чем наши матери разговаривали? Если у нас от них секреты бывают, то и у них от нас – наверняка.

– Ну, не знаю. А от кого узнала?

– Не важно.

– Снова секреты, – недовольно буркнула Аглая.

– Не обижайся. Это не важно. Я хочу эту родню найти. Может, они помогут другую жизнь начать: устроиться на работу, осесть в городе. Сил нет месить эту вечную грязь непролазную да коровьим навозом дышать. Скоро так провоняюсь, что не отмыться.

– Откуда в тебе эта тяга к городской жизни? Что ты о ней знаешь? У нас здесь все гораздо проще и честнее, – покачивая ногой, заметила Аглая.

– Проще не придумаешь, – всхлипнула Женька.

– А чем я-то могу помочь?

– Займи денег на поездку.

– На билет? – Аглая поднялась, отряхнула полы халата. Женька тоже сразу поднялась с земли. – Занять денег на билет туда и обратно, если родственников не найдешь?

– Больше, на сколько можешь, займи. Я в долгу не останусь, поверь! На тебя одна надежда, а иначе... Не буду жить, как скот.

– Ну, ты осторожнее. Зачем же людей обижаешь. Я здесь, между прочим, тоже живу.

– Я тебя не имела в виду.

– Темнишь ты, подруга, – Аглая пристально вглядывалась в заблестевшие глаза Платовой.

– Скажи лучше, что денег жалко.

– Нет, не жалко. Родители, правда, нагоняй дадут, если узнают, что потратила на что зря.

– Решай, Глаша. Ты – мое спасение. Я настаивать не могу, только прошу, очень-очень прошу...

– Я думала, что спасать – это очень романтично, но, кажется, я ошибалась.

Аглая уперлась руками в рыхлые бока, пожевала губами. Потом еще раз взглянула на трясущуюся от переизбытка эмоций подругу и безнадежно махнула рукой. У Женьки отлегло на сердце. Она почувствовала прилив крови к лицу, шее, даже вспотела.

– Пойдем, искательница приключений, – миролюбиво произнесла Воронова, – дам я тебе денег. Не в них счастье, поверь. Ты и сама в этом скоро убедишься.

Платова в дом заходить не стала, села на крыльце. Волновалась больше, чем, когда пришла просить о помощи. В глубине души знала, что Глашка добрая, отзывчивая и разжалобить ее пара пустяков, но на этот раз даже напрягаться особенно не пришлось. Небольшая фантазия на тему дальних родственников была очень кстати. Еще немного, и денежки зашуршат в ее пальцах. Манящие бумажки, обладающие магической силой выполнять любые желания, эквивалент могущества, символ вседозволенности. Только с большими деньгами можно ощущать себя защищенным, уверенным, сильным. Все покупается, все продается. Люди и делятся только на тех, кто продает, кто покупает. Остальные классификации надуманы для того, чтобы пудрить мозги.

Женька вздохнула, вспомнив истинную цель своей поездки в ***йск. Жаль, что она так недолго будет наслаждаться этой самой настоящей жизнью, да и то – за чужой счет. Обманывает ведь, что вернет долг. Ну, да что об этом думать. Как говорит бабушка, Бог он все видит, все понимает, Он и простит.

– Держи. – Аглая неслышно вышла из дома и уже протягивала оцепеневшей подруге купюры. Платова смотрела на них широко раскрытыми глазами, в которых совершенно ясно читался испуг. – Ты чего? Сотенных никогда не видела?

– Я... Я... – Женька боялась сказать о том, что не рассчитывала на такую щедрость.

– Много что ли? – Глаша засмеялась разливистым грудным смехом. – Да, бери же. Денег много не бывает. Купи себе что-то из обновок, прежде чем на глаза родственникам показываться. Все-таки, знаешь, встречают по одежке, а там – все от тебя зависит. Ну, что ты смотришь? Бери, пока не передумала.

Женя медленно поднялась. Деньги переключались в ее руку. Все еще не веря в такую удачу, Платова посмотрела на Аглаю, пытаясь вложить в этот взгляд всю свою благодарность. Она хотела улыбнуться, но губы дрожали несдерживаемой мелкой дрожью, противно, бесконтрольно. В какой-то момент Женя словно сломалась, не выдержала напряжения и бросилась подружке на шею.

– Спасибо, спасибо, – горячо шептала Платова, вдыхая запах парного молока, что исходил от тела Аглаи.

– Перестань, Женька! Точно ты какая-то, словно не в себе. Ничего особенного не произошло. Я тебя выручила. Ты меня когда-нибудь выручишь. Мы же дружим, дурища.

Но Женя плакала не столько из благодарности, сколько от жалости к себе, несчастной, которая добровольно решила распрощаться с такой никчемной жизнью. То, что этим решением нельзя ни с кем поделиться, в глазах Жени прибавляло происходящему трагичности. Казалось, все происходит не в реальности, а во сне. Только шелестящие купюры в руке говорили о том, что первый шаг сделан – и не во сне, а наяву.

Когда вернулась домой, бабушки в доме не было. Женя выглянула из окна кухни: согнувшись, та снова возилась на бесконечных грядках. Этой работе не видно конца. Она бесконечная, неблагодарная, изнурительная. В селе в ней суть жизни. Женю такой порядок вещей не устраивал. У нее все будет иначе. Пусть сейчас она воспользуется сердечностью подруги. Пусть! Зато у нее будет целый день несказанного счастья и исполнения желаний. Денег Аглая дала столько, что Женькина фантазия буксовала. Но пока нужно было сделать следующий шаг: воспользоваться случаем и улизнуть незаметно. В единственный целый цветной пакет Женя наскоро собрала все, по ее мнению, самое необходимое. Достала пас-

порт, аттестат, спрятала, как могла надежно и, в последний раз взглянув на портреты родителей, что висели на стене в комнате, осторожно вышла на крыльцо.

Она шла, машинально здороваясь со всеми, кого встречала на своем пути. Все они потом будут отвечать на расспросы Дуси: где, когда и кто последний видел ее внучку. Бедная бабушка. Женя сжала кулаки. Нет, ей нельзя раскисать. Она не будет думать ни о ком, только о предстоящем празднике. Последнем, единственном, но это будет ее день, ее решение. Скорее бы добраться до дороги. Ждать автобус – дело неблагодарное, а до вокзала пешком идти можно, но жаль времени. Теперь она не может быть расточительной с ним.

Угрызения совести делали ее ноги тяжелыми. Никогда еще Жене не было так трудно идти. Наверное, так шли каторжники с кандалами. Шли, по грязи, снегу, вытоптанном дорогам, глядя под ноги, думая лишь о том, что нужно шагать дальше. А воображение упорно возвращало Женю в их двор, на их огород, туда, где, невзирая на возраст, болезни, усталость, трудится Евдокия Ивановна.

– Я не буду думать о бабушке, – закрыв на мгновение глаза, прошептала Женя. – Я вернусь, когда придет срок и тогда...

Что будет тогда и тем более, когда настанет то самое время возвращения, Платова не конкретизировала. Это было бессмысленно, потому что, говоря так, она обманывала саму себя. Никакого триумфального возвращения, никаких дальних родственников, никакого будущего. Один день, который она проживет красиво, а потом... Идя навстречу своему короткому празднику, Женя ощущала, как ее переполняет невиданная жажда перемен. Она захватила ее, оплела невидимыми канатами, не давая свободы движения, иного выбора. Этот путь еще несколько часов назад был невозможен, а теперь только он и подталкивал Женю вперед, подгонял, заставляя относиться ко времени бережнее обычного.

* * *

Новое платье ей явно шло. Босоножки на шпильках – мечта, но как же в них неудобно идти. Цвет, правда, не тот, но выбор в магазине оказался не так уж и велик, а к новому платью была необходима новая обувь. Ее изношенные туфли, приковавшие пристальный взгляд не слишком любезной продавщицы, стремительно полетели в ближайшую урну. Женя с восторгом рассталась с ними, как с последним звеном, связывающим ее с прошлым. Как просто она вычеркнула из памяти годы, которые большинство предпочитает вспоминать всю свою сознательную жизнь.

Поправляя на плече ремень от новой сумочки, Женя шла с высоко поднятой головой. Почему бы и нет? Она так хороша! А эта прическа! Какое счастье избавиться от надоевшей косы. Короткая стрижка выгодно подчеркивала красивую форму головы, длинную шею. А как ей идут эти белые волосы! Увидев себя в зеркале, Женя не смогла сдержать восторженный возглас. Она не думала, что может выглядеть так привлекательно. Если бы она была парнем, не смогла бы не обратить внимания на такую девушку. Пялилась бы так же откровенно, как все эти молодые, ненасытные самцы. Сначала Жене это нравилось, но вскоре наскучило. Все-таки цель ее последнего дня пребывания на земле не должна свестись к примитивному совокуплению. Чего еще ждать от таких уличных знакомств? Любви?

Снова о ней. «А есть ли она, любовь эта?» – взгрустнула Платова, ковыряя ложкой тающее на глазах мороженое. Нет ее, а может, это только ей, несчастной, так не повезло. Попался Витька Селезнев и за всех мужиков оскорбил, обесчестил, унизил. Такой красивый внешне, а внутри сволочь. Женя с досадой отправила в рот большой кусок посыпанного шоколадной стружкой торта. Между прочим, замечая, что ничего более вкусного она в жизни не ела, Платова с негодованием смотрела в сторону юноши, сидевшего за соседним столиком. Он откровенно сверлил ее взглядом, многозначительно постукивая пальцами по

столу. Кажется, она видела его и на аттракционах, где повеселилась вдоволь. Запал, значит, на нее? Так любит говорить Светка Романович. Юноша улыбнулся.

Отвечать на такое примитивное проявление внимания Женя не собиралась, поэтому демонстративно отвернулась. Она вообще оказалась в этом кафе случайно. Название очаровало: «Магия вкуса». Очень подходило для последней трапезы. Увидев в меню небообразимое количество десертов, Платова заказала три. Глазами бы съела все, но деньги катастрофически таяли, а съесть больше, чем вмещал не слишком растянутый непривычными разносоломи желудок, не могла.

Уже стемнело. Мужская половина посетителей кафе явно была настроена игриво, ожидая продолжения вечера в более интимной обстановке. Цель их дневного марафона – приятное времяпрепровождение. При ином развитии событий день прожит зря.

Женя смогла отвадить пару особенно настойчивых ухажеров, после чего, разомлевшая от непривычно плотного сладкого ужина, вышла из кафе. Задумавшись, забыла на спинке стула сумочку. Уже у самих дверей спохватилась и подбежала к столу. Молоденький официант убирал посуду. Женя, чуть не отталкивая его, схватила сумку и прижала ее к груди. Юноша усмехнулся:

– Что у тебя там, украденные миллионы?

– Документы, – сдавленным голосом прошептала Женя, понимая, что обратила на себя внимание тех, кто оказался поблизости.

– Это ва-ажно, – насмешливо протянул официант. – Без бумажки ты букашка, а с бумажкой человек!

С этими словами он подмигнул Платовой и направился к соседнему столику, который еще минуту назад был занят. Женя оглянулась в поиске юноши, барабанившего по столу пальцами. Его и след простыл. Почему-то она решила, что его неожиданный уход связан с ней. Внутри что-то оборвалось. Женя испугалась: она так беззащитна. Обидеть ее может каждый, а защитить некому. Вот и официант посмеивается. Хотя, какое значение имеет, потеряет она эту новую сумочку с документами или вместе с ней прыгнет в воду с моста? Женя вздрогнула: ее тело вытащат баграми, а сумочку с документами может быть найдут на дне. Узнают имя, прописку, сообщат бабушке.

Выйдя из кафе, Женя снова ощутила знакомую тяжесть в ногах. Несколько раз оступилась, пока сделала несколько шагов. Остановилась, потеряла лодыжку, больно. Но эта боль была лишь малой толикой муки, терзавшей душу заблудшего создания. По мере того, как приближался последний час, последний миг, Платова постепенно начинала осознавать всю нелепость и бессмысленность происходящего.

Истратив все деньги, она отрезала себе путь обратно. Аглая, должно быть, свято верит в то, что ее сбережения пошли на доброе дело. Спасительницей себя чувствует, гордится. Наивная. А бабушка наверняка давно хватилась Жени. Сначала думала, что подурит девка да вернется, а не тут-то было. Наверняка бегала по всем знакомым, обязательно и к Глаше. К ней в первую очередь должна была. Интересно, выдала ее подруга или еще держится? Слезами и причитаниями Дуся из кого хочешь признание выдавит. Женя поймала себя на том, что зло отозвалась о единственном человеке, любившем ее искренно и безоглядно. Платова сочла такую несправедливость признаком приближающегося конца – вседозволенность и безразличие его спутники. Чему удивляться, когда смерть уже так близко.

Расспросив прохожих, Женя еще днем успела выяснить, что до набережной нужно добираться на пятом трамвае. Ей пообещали, что уже из окна она увидит прекрасный вид на реку. Поблагодарив, Женя тогда подумала, что красоты окружающего пейзажа – не самая лучшая декорация для поступка, который она собралась совершить.

– Наблюдая за вами, понял, что вы плохо знаете город, – раздался над ухом приятный мужской голос. – С удовольствием выступлю в роли гида. Не возражаете?

Женя вздрогнула. Рядом шагал тот самый юноша, который неприлично пристально разглядывал ее в кафе. Тот, вниманием которого она так демонстративно пренебрегла. Наверное, он шел рядом уже давно, только Женя, задумавшись, его не замечала. Улыбка, с которой юноша смотрел на нее, обезоруживала. Желание познакомиться так и не появилось. Правда и страха больше не было.

– Спасибо, не нужно, – краснея, ответила Платова.

Она забыла, что на ней новое платье и босоножки, что у нее сногшибательная стрижка и новая сумочка, в которой осталось так мало денег, что только на проезд на трамвае и хватит. Внутренне Женя ощущала себя такой же простушкой, какой была еще несколько часов тому назад. Прошлое заставляло ее смущаться, лишало уверенности. Она твердо знала, что над ней можно только насмехаться.

– Зачем же вы так категорично вычеркиваете меня из своей жизни? – обладатель приятного голоса продолжал искушать Платову. – Давайте хотя бы познакомимся. Может, вам так не понравится мое имя, что вы не захотите даже идти со мной рядом. Тогда я попытаюсь смириться с этим и отступлю. Согласны?

– Это лишнее. – Женя пыталась использовать фразы, которые почерпнула из тех нескольких романов, которые брала в школьной библиотеке.

– И все-таки, я не могу так просто сдаться. – Юноша обогнал Женю, преградив ей путь. Протянул руку и с пафосом произнес:

– Клим.

– Клим? – машинально переспросила Евгения.

– Если быть точным, Климентий, но друзья зовут меня просто Климом. – Юноша светился от удовольствия: все-таки он сумел удивить. – Ну, а вы, прекрасная незнакомка? Теперь ваша очередь.

– Женя, – недовольно буркнула Платова, отпуская руку юноши.

В этот момент она почувствовала обиду на своих родителей, которые не могли назвать ее как-нибудь особенно. Аглае в этом плане повезло гораздо больше. Так Евгения получила еще одно доказательство никчемности своей личности. Ей нечем похвастать: ни имени, ни судьбы.

– Евгения, значит? Здорово. Кстати, тоже неизбитое имя. У ваших родителей хороший вкус.

– Был.

– Простите?

– Был вкус, да весь вышел. – Женя снова зашагала, всматриваясь в указатели. Она искала трамвайную остановку. Где же эта «пятерка»?

– Я вас чем-то обидел? Простите. Я не хотел, правда. – Клим снова догнал ее, попытался взять за руку, но теперь Женя уже не спотыкалась и не позволяла никаких фамильярностей.

– Мне нет дела до ваших желаний.

– Подождите, подождите. Я попытаюсь понять. Вы обижены на мужчин? Но не все мужчины одинаковы! – голосом, полным достоинства, заявил Клим.

– Да что вы? – Женя хлопнула себя по бедрам. – И вам, конечно, от меня нужны только улыбки? Ничего из того, что там, под крепдешином, вас не интересует?

– Зачем же так грубо? – опешил парень. Его голубые глаза погасли. Он понял, что обычная манера познакомиться на этой твердолобой провинциалке не работает. Ее кричащие босоножки, это яркое платье, кричащий макияж – все наталкивало на мысль о быстрой победе. Зачем такая краля явилась в город? Не иначе как за приключениями. Теперь строит из себя недотрогу, но он не собирается уговаривать ее вечно. – И все-таки можно узнать

цель вашего пребывания в нашем прекрасном городе? Мои наблюдения позволили сделать вывод, что вы здесь впервые. От помощи отказываетесь, не вижу логики.

– А и не надо искать, – Женя поправила ремень сумки, соскальзывающий с плеча.

– Ну, тогда следуйте выбранному курсу, мадемуазель. – Клим достал сигарету, закурил, замедляя шаг. Женя, не обращая на него внимания, шла дальше. Он не удержался от того, чтобы крикнуть вслед: – Пожалеешь!

– Мы уже не на «вы»? – усмехнулась Женя, не оборачиваясь. Ей понравилась вежливая настойчивость юноши, но желание продолжить общение так и не возникло. Цель ее пребывания в городе была близка, потому что буквально в нескольких шагах, Женя увидела трамвайную остановку. Как раз то, что нужно.

Через пару минут подъехал пятый трамвай. Войдя в него, Женя устроилась у заднего стекла последнего вагона. Трамвай тронулся. Девушка стояла, зажав в руке деньги на проезд, выискивая глазами Клима. Он не мог далеко уйти. Женя вздохнула, как вдруг услышала над ухом:

– Вы думали, что так легко отделались от меня?

На этот раз она повернулась, не в силах скрыть улыбку. Жаль только, что юноша не предполагает тщетности своих попыток продолжить знакомство. Ей осталось совсем чуть-чуть. Вот-вот ее короткое путешествие закончится, а в свидетели она никого брать не собирается. Поэтому, справившись с первой реакцией на появление Клима, Платова снова отвернулась к окну. Нужно было найти красивые слова, чтобы ее отказ не выглядел грубостью.

– Не знаю, зачем вы так настойчивы... Только зря все это. – Женя крепко держалась за поручень. – Вы очень хороший, красивый, но ко мне это не имеет никакого отношения. Мне ничего не нужно ни от вас, ни от кого-либо другого.

– Слушай, хватит выкать. – Юноша наклонился к ней. – Между прочим, я оплатил проезд. Видел, как ты свои копейки считала. Что, с десертами не рассчитала?

– Не нищенка. Сама бы заплатила.

– Что ты такая колючая? Я пошутил. Согласен – не очень удачно. Не знаю, как к тебе и подобраться. Тебя кто-то крепко обидел?

– Жизнь меня обидела.

– На нее сердиться бесполезно.

– Но с ней можно покончить раз и навсегда! – неожиданно резко произнесла Женя, поворачиваясь. – Я для этого здесь!

Клим хотел рассмеяться, но девушка выглядела абсолютно серьезной. Тогда и ему стало не до смеха. Что же это получается?

– Ты что собралась делать? – не удержался от вопроса Клим.

– Я же сказала – покончить со всей этой мышью возней, которая называется жизнью в двадцатом веке. В веке расцвета научно-технического прогресса, генной инженерии, космических технологий. Не вписываюсь я в эти проекты. Нет никому никакого дела до сиротки Жени Платовой, а она не хочет превращаться в бесправную, забитую овцу. Ты доволен моим ответом?

– Ты сумасшедшая? – неуверенно предположил Клим. Охота продолжать знакомство заметно поубавилась. Он уже сожалел, что потратил на нее столько времени, что заскочил вслед за ней в трамвай. Странная она, мрачная и злая. Вон карие глазища-то как сверкают.

– Нормальная я, – тихо ответила Платова. Показала свои руки, быстрым движением провела кончиками пальцев по запястьям. – Смотри, никакого баловства, говорю, как на духу. Кстати, если уж ты такой всезнающий, до набережной далеко?

– Следующая остановка, – посмотрев в оконное стекло, Клим снова перевел взгляд на девушку.

– Вот и хорошо, значит, совсем скоро.